

НЕТРИВИАЛЬНЫЕ СОЧЕТАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Эрдынеева Д. В.

ГОУ ВПО «Бурятский государственный университет», Улан-Удэ, Россия (670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а), e-mail: darierdin@yandex.ru

---

В статье рассматривается проблема лингвистического статуса аномальных высказываний; уточняется понятие нормы, выявляются особенности их функционирования. Особое внимание уделяется нетривиальным сочетаниям в художественном дискурсе. В статье показано, что художественный дискурс является для языковых аномалий естественной средой функционирования. Выявлено, что языковые аномалии утрачивают деструктивный характер в данном типе дискурса. Композиционный подход позволяет объяснить механизм соединения нетривиальных сочетаний. Приведенный анализ показывает, как развивается контекстуальное значение слов, расширяется диапазон их сочетаемостного потенциала. Смысл слова ни в коей мере не исчерпывается его толкованием – словарное толкование может пополняться за счет смысла входящих в него слов; контекста текста и ситуации. Данные явления подчеркивают конструктивный характер языковой аномальности.

Ключевые слова: языковая аномалия, норма, художественный дискурс, нетривиальное сочетание, композициональность.

NON-STANDARD WORD COMBINATION IN THE NARRATIVE DISCOURSE

Erdyneeva D. V.

The Buriat state university, Ulan-Ude, Russia, (670000, the republic of Buryatia, Ulan-Ude, street Smolina, 24a), e-mail: darierdin@yandex.ru

---

The article deals with the problem of the linguistic description of the anomaly phrases, the notion of a norm is defined, the function particularities are revealed. Special attention is given to the non-standard word combination in a narrative discourse. In the article the author shows that the narrative discourse is the natural surrounding for non-standard word combinations. It is revealed that the language anomalies lose their destructive character in this type of discourse. Compositional approach allows to explain the connection of the non-standard word combination mechanism. The analysis demonstrates the development of contextual word meaning, and scope of its combinability. The sense of a word is not limited with its intepretation in any case - the dictionary interpretation may be enlarged thanks to the sense of the incoming words; the context of the text and the situation. These phenomena underline the constructive character of language anomalism.

Key words: language anomaly, norm, narrative discourse, non-standard word composition, compositionality.

Асимметрия плана выражения и плана содержания является фундаментальной особенностью всех языковых знаков. Р. А. Будагов обращает внимание на известное положение об асимметричности языкового знака, установленное и описанное пражской лингвистической школой еще в 20-е годы нашего столетия. Он полагает, что сама идея асимметричности языкового знака выросла из наблюдений над сложностью отношений между обозначаемым и обозначающим. Люди всегда стремятся (сознательно или бессознательно) найти новые средства для номинации обозначаемого. Эти поиски обусловлены развитием языка в его связях с мышлением и окружающей человека действительностью [2]. Стремясь понять язык в его истинной сущности, А. А. Потебня подчеркивает природу сознательно-намеренного изобретения языка, которая предполагает, что «природа и формы человеческой жизни податливо готовы принять все виды, какие заблагорассудит дать произвол человека; она построена на вере во всемогущество разума и

воли, на что бы они ни были направлены: на преобразования государства, литературы или языка» [8].

Р. А. Будагов, перефразируя слова замечательного филолога А. А. Потебни, органично уравнивает соотношение рационального и чувственного в языке. По его словам, чем больше развивается способность языка передавать рациональные основы человеческого мышления, тем очевиднее выступает не менее важное: умение языка выражать чувственное восприятие человека. Лермонтовское «погружаясь в холодный кипяток нарзана» («Герой нашего времени») – это не только метафора, но и общая особенность языка, его сила, позволяющая проникать в многообразный мир чувственного восприятия [2]. Своевременным и справедливым является утверждение Вильгельма фон Гумбольдта о том, что «речевая деятельность даже в самых своих простейших проявлениях есть соединение индивидуальных восприятий с общей природой человека» [5].

Употребление слова все же далеко не всегда превращается в его значение. В языке художественной литературы, как и в некоторых других языковых стилях, в которых особую функцию приобретает контекст, употребление слова может достаточно отделиться от его значения. В конце прошлого столетия у М. Горького в «Песне о Соколе» слово безумство осмыслялось как «исключительная смелость», «отвага», «бесстрашие»:

Безумству храбрых поем мы славу!

Безумству храбрых – вот мудрость жизни!

Словари того времени, как и сравнительно новый «Толковый словарь» под ред. Д. Н. Ушакова, объясняют слово *безумство* иначе («то же что и безумие», переносно «удаль» презрение к тому, что считается *благоразумным*). Но безумство, в смысле «отвага» так и осталось употреблением слова и не переросло в его значение. Иногда не только слова, но и целые словосочетания получают особое, индивидуально-контекстное осмысление. «Мне не нравилось, – рассказывает Максим Горький о своем отрочестве, – как все они говорят; воспитанный на красивом языке бабушки и деда, я вначале не понимал такие соединения несоединимых слов, как «ужасно смешно», до смерти хочу есть», «страшно весело»; мне казалось, что смешнее не может быть ужасным, веселое – не страшно, и все люди едят вплоть до смерти. Я спрашивал их:

– Разве можно так говорить?

Они ругались: – Какой учитель, скажите! Вот – нарвать уши...

Но и «нарвать уши» казалось мне неправильным: нарвать можно травы, цветов, орехов [цит. по 2].

Многие лингвисты подчеркивают конструктивный характер языковой аномальности [9]. Ю. Д. Апресян такую функцию языковой аномалии обозначил как «языковые аномалии

как точки роста новых явлений». В любом развитом национальном языке заложен значительный потенциал не только для реализации его системных закономерностей, но и для порождения разного рода отклонений от языковых норм и правил, которые не ведут к деструкции системы, а, напротив, являются выражением ее креативного и адаптивного потенциала.

Имеется и противоположная тенденция, так называемая «карнавализация» языка средств массовой информации, языка Интернета и языка бытового употребления. Родной язык – поле для отклонений от нормы, коверкания, игры и творчества. Современные тексты нацелены на игру с получателем информации: в результате игровых манипуляций над языком получатель информации вынужден разгадывать словесные загадки [10].

Взгляд В. В. Виноградова на задачи русской стилистики демонстрирует сделанное им попутное наблюдение о деструктуризации языка. А. М. Горький всегда отделял вопрос о немотивированных нарушениях или разрушениях литературно-языковых норм от вопроса об эстетических функциях и эстетической ценности обращения, осложнения стиля «нелитературными словечками». В письме к И. А. Груздеву (9. 1. 1926 г.) он писал (по поводу стиля рассказов, повестей и романов в № 3 альманаха «Ковш»): «Погоня за новыми словечками, неумеренное употребление местных словарей, местных языкоблудий на меня лично наводит тоску. В стремлении украсить рассказ нелитературными словечками, – кроме засорения языка хламом, – чувствуется мещанская эстетика, желание украшать икону фольгой, бумажными цветочками и «виноградом». Это плохо» [цит. по 3].

Не менее сложную, требующую основательного культурно-исторического обсуждения задачу ставит перед лингвистами К. Паустовский, привлекая внимание к особой, чрезвычайно важной сфере прикладного языкознания – к сфере преобразования топонимики. В «книге скитаний» К. Паустовский пишет «Названия – это народное поэтическое оформление страны. Названия нужно уважать. Меняя их в случае крайней необходимости, следует это делать прежде всего грамотно со знанием страны и с любовью к ней. В противном случае названия превращаются в словесный мусор, рассадник дурного вкуса и обличают невежество тех, кто их придумывает. Нельзя называть города так неблагозвучно, что людям в них неприятно жить. Примеров можно привести много» [цит. по 3].

Аномалия определяется как отклонение от нормы, общей закономерности, неправильность. Художественный дискурс в этом смысле является для языковых аномалий, так сказать, «естественной средой обитания», где они утрачивают свой потенциально деструктивный характер и обретают прагматическую оправданность, функциональную целесообразность и эстетическую значимость. Природа языковых аномалий художественного слова такова, что они принципиально не подлежат исчерпывающему

истолкованию (всегда сохраняется некий неverifiedируемый «остаток»), – и это приводит как к трудностям классификации аномалий (лексические, грамматические или прагматические, синтагматические или парадигматические и т. д.), так и к возможности их множественной интерпретации [9].

В настоящей статье мы анализируем нетривиальные сочетания с противоречивым значением, которые по своей природе могут быть определены как языковые аномалии. В качестве иллюстрации можно указать на «Краткие рассказы» И.А. Бунина. Они построены в духе импрессионистской поэтики.

1. *Это они со стариком были строителями и владыками всего этого обширного, прочного, теперь уже давно обжитого, вросшего в свое место, **грязного и уютного** гнезда с его гумном, дуплистыми лозинами, амбарами, черной избой...* (Бунин, *Преображение*, с. 28);

2. *...смешение глубочайшей тоски, скорби, тупой покорности и вместе с тем какой-то страстной и **мрачной мечты**...*(Бунин, *Жизнь Арсентьева*, с. 270);

3. *На скотном дворе, весь день пустом, с ленивой грубостью скрипели ворота, когда мы из всех своих силенок приотворяли их, и остро, кисло, но **неотразимо привлекательно воняло** навозной жижей и свинными закутами.*(Бунин, *Жизнь Арсентьева*, с. 277);

4. *И не раз видел я, с каким **горестным восторгом** молилась в этот угол мать, оставшись одна в зале и опустившись на колени перед лампадкой, крестом и иконами* (Бунин, *Жизнь Арсентьева*, с. 285).

5. *Я несколько дней ходил сам не свой, втайне моля не только бога, но и весь мир простить мне **великий и подлый** грех ради моих великих душевных мук* (Бунин, *Жизнь Арсентьева*, с. 280).

В дискурсе И. А. Бунина характерно намеренное использование противоречия для создания стилистического эффекта, например, антитезы (пример 1, 5). С психологической точки зрения данная фигура представляет собой способ разрешения необъяснимой ситуации. С помощью антитез *грязного и уютного гнезда*, *великий и подлый грех* реализуется И. А. Буниным биполярное отношение к предмету изображения. Данный способ выражения оценки обусловлен авторском видением, чувствованием фактов окружающей действительности, тенденцией в творчестве – изображать «сгущенно».

Сочетания прилагательных с существительными *мрачная мечта* (пример 2) и *горестный восторг* (пример 4) нетривиальны с семантической точки зрения. Стилистически они могут быть определены как оксюмороны. В толковом словаре прилагательное *мрачный* в переносном значении определяется как «*исполненный печали, наводящий грусть, безрадостный, угрюмый*» (ТС С. И. Ожегова, 333), тогда как существительное *мечта* имеет следующую характеристику «*нечто, созданное воображением, предмет желаний,*

стремлений» (ТС С. И. Ожегова, 321). В логике вещей желания и стремления человека не могут быть негативно оценены. Окаzionale сочетание *горестный восторг* также представляет пример семантического конфликта. Системное значение прилагательного *горестный* «печальный, тяжело переживаемый» (ТС С. И. Ожегова, 128) входят в столкновение с системным значением существительного *восторг* «большой подъем чувств, восхищение». По мнению Е. В. Падучевой, если один компонент прямо противоречит другому: компонент не исчезает, а лишь меняет коммуникативный ранг [7]. Под воздействием контекста, положительные семы «ретушируются» и на передний план выдвигается состояние героя, который находится в глубокой печали.

В сочетании (пример 3) *неотразимо привлекательно воняло* необычно сопряжение отрицательно оценочного глагола *воняться* пометой разг. «издавать вонь», «дурно пахнуть» (ТС С. И. Ожегова, 89) и наречия *неотразимо привлекательно* традиционно ориентированного во всех своих переносных лексико-семантических вариантах в высшей степени на положительную оценку. Под влиянием контекста согласно правилам композициональности компоненты толкования могут перемещаться с переднего плана на задний и обратно, т. е. менять актуализацию. Обстоятельство образа действия *неотразимо привлекательно* актуализирует в семантике глагола компонент «пахнуть», отодвигая на задний план компоненты с отрицательным значением.

В художественном дискурсе часто сочетаются слова, различающиеся по стилю. Например:

б. *Да, в тот вечер была сотворена вселенная, и удивительная, мудрая морда луны, и соловьиная трель звонков в коридоре (Замятин, Пещера, С.189).*

Как фрагмент художественного произведения этот пример являет собою стилевую языковую игру, однако надо заметить, что подобное речевое поведение, встретясь оно нам в действительности, было бы квалифицировано нами как стилистическая речевая ошибка. Силевая языковая игра (преднамеренное нарушение стилистических норм), возведенная в речевой принцип, формирует **идиостиль** – индивидуальный стиль говорящего. Словосочетание *мудрая морда* находится в семантическом диссонансе. Существительное *морда* в словаре имеет помету «вульгарное (бранное слово)» (ТС С. И. Ожегова, 331). Ср. «Вглядывайтесь в эти морды, молодые, тупые, равнодушные, привычные ко всякому зверству. Прилагательное *мудрый* имеет значение «обладающий большим умом», «основанный на больших знаниях и опыте» (ТС С. И. Ожегова, 334).

7.... *и своей вечерней замшевой походкой вернулся к себе в спальню (Набоков, Защита Лужина, С. 105).*

Необычные **сочетания слов** представляют собой стечение лексем, сочетаемость которых в узусе невозможна, поскольку противоречит закону семантического согласования вследствие отсутствия общих сем в их лексических значениях. Благодаря возникновению контекстуально обусловленных семантических сдвигов в зависимом компоненте словосочетания общие семы появляются. Так, например, в вышеназванном примере опорный компонент словосочетания *походка* не может иметь характеристику *замшевая*. Слова *замша* определяется как выделанная мягкая и тонкая ворсовая кожа с бархатистой поверхностью. В значении слова *замшевый* присутствует сема «мягкий». Автор таким образом подчеркивает легкую, бесшумную походку героя .

8. *Из далекой залы, через две комнаты, доносился нежный вой скрипки (Набоков, Защита Лужина, С. 120).*

9. *Высунувшись из-за пульты машины, инженер-вычислитель сощурился в нежной усмешке (Ефремов, Час быка, С. 20).*

В предложениях-высказываниях (пример 9, 10) авторы усиливают эмоциональное восприятие текста за счет использования нетривиальных сочетаний *нежный вой*, *нежная усмешка*. В значении прилагательного *нежный* присутствуют семы «ласковый, «проявляющий любовь», «приятный» (ТС С. И. Ожегова, 369), тогда как существительные *вой* и *усмешка* в своих значениях имеют отрицательную коннотацию. В работах Ю. Д. Апресяна исследовалось два типа взаимодействия смыслов – зачеркивание и добавление компонента. В композиционном плане при взаимодействии значений в сочетании происходит зачеркивание отрицательного компонента под воздействием компонента с положительным значением

10. *Он (мир) манит и пугает как праздник ночи и приют одиночества, где люди кожей пьют свои законные мучения, расплачиваясь по всем счетам за праздник и приют. (Высоцкий, Мончинский, Черная свеча, С.23);*

11. *Пахло человеческим потом, прелой кожей, еще чем то – всегда тюремным, наверно, потным страхом. (Высоцкий, Мончинский, Черная свеча, С. 40).*

Сочетания «кожей пьют» (пример 10), «потным страхом» (пример 11) являются одним из средств усиления изобразительности художественного произведения. Высказывание (пример 10) представляет собой нетривиальное сочетание существительного с глаголом. Семантический диссонанс в данных примерах разрешается при помощи добавления смысла. Формирование аномального словосочетания (пример 11) разъясняется последующим контекстом: от очень сильного испуга человек начинает потеть. Ситуация описана в компрессионном виде.

Языковая аномалия, будучи явлением универсальным, встречается и во французском художественном дискурсе:

12. *Maman! Et tu peux aimer la vie? Mais, c'est un monstre! – Il y a de beaux monstres, dit Annette (R. Rolland, L'âme enchantée, p.26).*

13. *Comme si cette grande colère m'avait purgé du mal, vide d'espoir, devant cette nuit chargée de signes et d'étoiles, je m'ouvrais pour la première fois à la tendre indifférence du monde (A. Camus, L'étranger, p. 101).*

14. *Il n'était même sûr d'être en vie puisqu'il vivait comme un mort (A. Camus, L'étranger, p. 100).*

В предложениях-высказываниях (примеры 12, 13) употребляются оксюмороны *de beaux monstres* (красивые чудовища), *la tendre indifférence* (нежное безразличие). Оксюморон как проявление вторичного семиозиса может быть осмыслен с учетом ценностных установок, коммуникативных намерений автора. Алогичное высказывание *vivait comme un mort* (жил как мертвец), описанное главным героем, свидетельствует о стремлении А. Камю подчеркнуть бессмысленность существующего мироустройства.

Из приведенного анализа мы обнаруживаем, как развивается контекстуальное значение слова, расширяется диапазон сочетаемостного потенциала языковых единиц. Смысл слова ни в коей мере не исчерпывается его толкованием – словарное толкование может пополняться за счет смысла входящих в него слов; контекста текста и ситуации. Большую роль в развитии языка играют писатели и прочие «мастера речи». Удачный эксперимент, как отмечает Арутюнова Н. Д., указывает на скрытые резервы языка, неудачный – на их пределы [1]. С одной стороны, большие писатели способствуют формированию нормы, созданию «порядка» в языке. Но вместе с тем они разрушают норму, навязывая языку новые слова, новые значения слов, новую просодику, допуская разного рода эксперименты, нарушая порядок, установившийся в языке [4]. Но если эти новшества укореняются в языке, то они способствуют становлению новой нормы, нового порядка.

Список литературы

1. Арутюнова Н. . Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
2. Будагов Р. А. Человек и его язык. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 429 с.
3. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.

4. Гак В. Г. От хаоса к беспорядку и от порядка к хаосу («анархия мать порядка, порядок отец анархии») // Логический анализ языка: Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2003. – С. 286–293.
5. Гумбольдт, фон В. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
6. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. третье, испр. и доп. – СПб.: «Златоуст», 1999. – 320 с. (Язык и время. Вып.1).
7. Падучева Е. В. Принцип композиционности в неформальной семантике // Вопросы языкознания. – 1999. – С. 3–23.
8. Потенция А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. Подготовка текста Ю.С. Рассказова и О. А. Сычева. Комментарии Ю.С. Рассказова. – М.: Изд-во Лабиринт, – 300 с.
9. Рабдиль Т. Б. Языковая аномалия как норма художественного дискурса // Филологические науки – 2006. – №. 6. – С. 50–59.
10. Рябцева Н. К. Тенденция к интеллектуализации в современной культуре / Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Изд-во «Индрик», 2011. – С. 111–123.

Рецензенты:

Доржиева Галина Сергеевна, доктор филологических наук, доцент Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ.

Санжеева Лариса Валерьевна, доктор филологических наук, доцент Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ.